

УДК 316.4 (571.6)

*Коняхина А.П.
Konяхina A.P.***Власть как контрагент:
случай российского Дальнего Востока (1985–2014 гг.)****Authorities As a Counterpart: the Case of the Russian Far East (1985 – 2014)**

Статья написана на материалах полевых исследований в регионах юга Дальнего Востока России и посвящена проблеме взаимодействия власти (федеральной, региональной и местной) и локального сообщества в течение последних 30 лет. Отношение к власти и её политике на территории рассматривается через представления жителей об общем благе и субъекте социальных изменений. Анализируются особенности и характер коммуникации, а также связанный с ними выбор стратегий поведения населения в частной и публичной сферах.

Ключевые слова: *локальное сообщество, власть, местное самоуправление, гражданское участие, общественное движение, перестройка, Дальний Восток России*

The paper is written on the field research in south regions of the Russian Far East and devoted to the problem of the interaction of the governments (federal, regional, local) and the local society within the past 30 years. The popular attitude to the authorities and their activities on the territory are considered through the residents' understanding of the common good and the subject of social change. The paper analyzes the traits and the nature of communication and the associated choice of behavioral strategies in the private and public spheres.

Key words: *local society, authorities, local government, civic participation, social movement, Perestroika, Russian Far East, field research*

В 2015 г. мы отмечаем тридцать лет с начала перестройки. Путь, который прошла страна за эти годы, описав кривую, вывел её к тем же задачам, решить которые перестройка была призвана. Взаимодействие власти и общества в России – ключевая тема. Проблема преодоления взаимного отчуждения, непонимания и недоверия сторон, ставшая в полной мере очевидной к концу 1980-х гг., сегодня вновь вынесена на повестку дня.

В статье на примере российского Дальнего Востока исследуются особенности коммуникации между властью и локальным сообществом. На локальном уровне, в малых городах и посёлках, изучая настроения и повседневные практики взаимодействия с институтами власти, можно

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985-2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199)

КОНЯХИНА Анастасия Петровна, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** kar1@rbcm.ru

обнаружить как точки пересечения интересов, так и скрытые социальные ресурсы. Разнообразие использованного исследовательского инструментария (работа с архивными материалами, анкетирование, проведение глубинных интервью и непосредственное наблюдение) позволяет, в свою очередь, «схватить» реальность в её самодостаточности, описать через саморепрезентацию, избегая абстрактного теоретизирования без опоры на «почву». Такого рода case-study и предлагается вниманию.

В качестве теоретического багажа выступают концепция «Русской власти», предложенная Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым, а также идеи Р. Патнэма относительно зависимости между состоянием политических институтов и типом «гражданского сообщества» в перспективах экономической модернизации.

В России структура вертикального договора, при котором власть выступает единственным субъектом политики, по своему усмотрению перераспределяя права, постоянно воспроизводится [1]. На протяжении большей части советского периода, объём общенародной власти определялся Коммунистической партией, «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» [9]. Любые гражданские инициативы вне «добровольно-принудительных» проходили проверку на соответствие идеологическим канонам с вероятностью понести наказание. И пока система принятия решений демонстрировала свою эффективность в реализации социальных прав, сохранялся и патерналистский компонент в сознании людей, рассчитывавших на поддержку с её стороны в обмен на лояльность и соучастие.

Для Дальнего Востока представления о роли государства, как «высшей инстанции социальной заботы», обладали известной устойчивостью в силу специфики привлечения и закрепления населения, хозяйственного освоения территории. Тоска по временам, когда государство выполняло свои обязательства (обеспечивая занятость, развивая социальную инфраструктуру) сегодня в большей степени характерна для жителей монофункциональных и «закрытых» городов.

Одной из немногих доступных форм взаимоотношений с властью в советский период, способом обеспечения обратной связи было апеллирование к ней через обращения в партийные и советские органы, СМИ. Источниками сведений о проблемах «на местах» служили вопросы, поступающие через систему лекционной пропаганды, общественные приёмы при редакциях газет, на сходах граждан и выездных приёмах жителей (ГИАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2704. Л. 9, 29; Д. 2703. Л. 3), надписи на избирательных бюллетенях. Просьбы, жалобы, наказания, которые «ставились на контроль», выступления на отчётных собраниях и заседаниях партхозактивов создавали видимость диалога. Вовлечение населения в широкое обсуждение предложенных властью тем позволяло снимать и назревавшую социальную напряжённость¹. До конца 1980-х годов большинство обращений в партийные органы по-прежнему ограничивалось жилищной и социально-бытовой тематикой [11, с. 70-88]. Вопросы в сфере политического не являлись предметом коммуникации и торга в принципе.

Реформационный процесс с его лозунгами демократического обновления и обращения к общечеловеческим ценностям открыл новые, главным образом, социальные возможности для расширения поля гражданского участия. В ситуации нарастающего экономического кризиса, потери рычагов влияния и растерянности партаппарата на местном

¹ Так, в обсуждении Тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции приняли участие более 700 тыс. приморцев, более 40 тыс. чел. выступили, высказав свыше 17 тыс. замечаний и дополнений (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 640. Л. 72).

уровне возникает вынужденный диалог между отступающей властью и самоорганизующимся обществом. Заявляя в публичном пространстве о наличии проблемы, новые социальные движения путём прямых, внеинституциональных действий требовали от контрагента её признания и решения.

Ярким примером такого рода стихийной низовой инициативы на Дальнем Востоке стало оформившееся на майских митингах 1988 г. сахалинское «Демократическое движение за перестройку» (ДДП). Обсуждение безальтернативности выборов делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию стало поводом для выражения населением своего недовольства властью, и привело к фактической отставке главы области. Первоначально Движение взяло на себя роль активного помощника перестройки, предлагая свою поддержку горкому КПСС в налаживании контакта с населением. Работа включала в себя собственные расследования фактов социальной несправедливости, сбор информации, в том числе через обращения граждан, её распространение, разработку предложений и рекомендаций для государственных, хозяйственных и партийных органов. Проводились митинги, городские собрания и регулярные «гайд-парки», устанавливались связи с заинтересованными группами и организациями, официальными СМИ и самиздатом. Разворачивалась, таким образом, горизонтальная сеть в качестве ресурса для роста гражданского самосознания и разрешения уже политических конфликтов. Участники ДДП выступали за создание механизмов непосредственной демократии, многообразие политических форм активности граждан, обеспечение их прямого участия в решении ключевых вопросов жизни страны через общенародные обсуждения и референдумы (ГИАСО. Ф. П-4679. Оп. 1. Д. 1. Л. 11-13).

Таким образом, к началу 1990-х годов запрос на демократию в качестве ценностного ориентира и инструмента обрёл свою артикуляцию. Произведённая структурами гражданского общества «переговорная сила» [Подробнее см.: 20, с. 86-96] создавала потенциальную возможность для перехода к заключению уже горизонтального контракта, с согласием принять каждой из сторон необходимый пакет обязательств. Но этого так не случилось. О пропущенной исторической развилке говорит хотя бы тот факт, что в 1989 г. лишь 8% населения считало, что «государство нам даёт так мало, что мы ему ничем не обязаны», к 2012 г. число полагающих так увеличилось до одной трети [17, с. 41]. Это значительная часть людей, для которых альтернативы в достижении благ находились уже вне области политических коммуникаций.

Для жителей Дальнего Востока требования к власти выступают как реакция, прежде всего, на вызовы центра (Москвы). Одной из устойчивых мифологем, определяющих характер и направленность диалога с властью, является представление о «богатом регионе», блага которого до жителей не доходят [2]. Этот мотив прослеживается и для позднесоветского времени, когда первые лица, номенклатура воспринимались как соучастники политики Центра в колониальном использовании природных и людских ресурсов и только обрабатывали предоставленные центром привилегии (ГАПК. Ф. П-68, Оп. 117. Д. 1025, Л. 88), отдавая территорию на откуп министерствам и ведомствам. Сейчас к ним добавились государственные корпорации и крупные экономические субъекты с пропиской в Москве и за рубежом.

Наращение напряжённости и социальный протест вызывались, таким образом, отстранением власти от обсуждения с населением путей развития региона, отказа от учёта общественного мнения при принятии решений, затрагивавших его витальные потребности и права (на безопасность, гласность, самостоятельность и др.) [См.: 10, с. 113-127].

Здесь недовольство жителей переходило в стадию консолидированного отстаивания своих интересов.

В условиях неработающих институтов согласования, протест становился своего рода криком отчаяния, обращённым на самый верх властной иерархии. Его острота вызвалась ситуацией, когда болезненное для населения поражение в правах экономических сочеталось с конфликтом, в центре которого – понимание справедливости. Квинтэссенцией отношения населения к политике федеральной власти на протяжении постсоветского периода может служить его реакция на предвыборный слоган губернатора Приморского края С.М. Дарькина «Нам здесь жить!», на который жители всей системе в его лице до сих пор отвечают: «А нам-то как тут жить? А мы-то за что? Нам-то куда уезжать?..» (АОСПИ. **Интервью с И. (м., работник завода). Приморский край, г. Дальнегорск. 2013, 6 июля**). Сегодня та же оппозиция «центр-периферия» отражается в сознании жителей глубинки, которые с обидой говорят о своей «ущербности» в сравнении с положением в городах – «точках роста», на которых сосредотачивает своё внимание государство. «Субсидии... не выплачивают: денег нет, саммит надо делать... Все бросили на город, на мосты. Я не против города, но...» (АОСПИ. **Интервью с Т. (ж., фермер). Приморский край, с. Шмаковка. 2012**).

Проблема социального недовольства и протеста осознавалась в массовом сознании, в первую очередь, как конфликт власти и общества в целом [8, с. 225]. Уход государства из экономического и политического пространства региона в 1990-е годы поставил население перед необходимостью, в отсутствие дееспособной стороны для переговоров, решать проблемы самостоятельно, полагаясь лишь на собственные усилия. Данные опроса, проведённого на Сахалине в 1992 г., показали, что лишь 4% при ухудшении материального положения или потере работы рассчитывали на помощь государства, 2% – на помощь своего предприятия, а 76% – только на себя [14, с. 30]. Своё место каждый находил, как мог.

Период 1985-1990-х гг. признавался нашими респондентами в Приморье и на Сахалине и самым провальным с точки зрения контроля над властью. Довольно низкая оценка гражданского участия и востребованности демократических реформ в целом, связана со взглядом на фактические результаты деятельности основной массы акторов (инициативных групп, общественных организаций), часть из которых естественным образом прекратила своё существование, а часть политизировалась, интегрировавшись в дискредитировавшую себя впоследствии власть.

Для большинства на первый план выходили вопросы физического выживания, запускались механизмы социальной адаптации, с поиском вариантов в неформальной, непрофильной или теневой сферах занятости. Так, 39,4% жителей г. Хабаровска в 1992 г. на вопрос о том, что они, скорее всего, будут делать, если ухудшится их материальное положение отвечали, что будут «искать возможности дополнительного заработка» против 5,8% тех, кто пойдёт на митинги с требованием отставки властей или 10,4% готовых участвовать в любых акциях протеста [6, с. 8]. Постоянной тенденцией стал и миграционный отток, как одна из основных стратегий поведения дальневосточников. Часть наших респондентов-пенсионеров и сегодня прямо заявляла о том, что «было бы куда выехать, я бы выехал» (АОСПИ. **Интервью с Х. (м., рук. профсоюзной организации). Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 2 июля**). Так, внешние ограничения среды определяли индивидуальное поведение, которое виделось наиболее оптимальным и рациональным в данных условиях.

Сегодня более двух третей россиян признают, что не могут влиять на принятие решений в своём регионе, городе и районе [17, с. 38]. Ис-

следования, проведённые на локальном уровне, не только подтверждают распространённость таких настроений, но и выявляют ряд парадоксов. По данным опроса в г. Арсеньеве лишь 7% людей (старше 35 лет) связывает лучшее будущее своего города с деятельностью жителей, называя последних, тем не менее, главной заинтересованной в переменах стороной (АОСПИ. Опрос 2013, n=149). В Углегорском районе (Сахалинская область) подавляющее большинство видит перспективу лишь в том случае, если «изменится государственная политика и появится программа развития».

Здесь проявляется, по-видимому, ещё одна мифологема, по поводу которой в современном обществе существует некоторое согласие. Это представление о том, что все качественные изменения – «на что будут работать ресурсы страны» – зависят от «воли государства»: «Главное, чтобы государство за нас было» (АОСПИ. Интервью с Т...). На него, в лице президента и возлагаются надежды, но не требования. Эта персонафицированная власть «субстанциальна» («Я не понимаю, почему Путин не понимает» (АОСПИ. Интервью с У...)), функциональны же «посредствующие власти» [19, с. 12], которые и несут всю полноту ответственности за непродуктивное, неэффективное управление («Путин что-то пытается, а они [чиновники – прим. А.К.], что хотят, то и творят» (АОСПИ. Интервью с Т...)).

Общие «авторитарные» установки сознания поддерживаются здесь и ситуацией относительной депривации. Сравнение идёт, исходя из позитивных оценок собственного советского прошлого (стабильности жизни и уверенности в будущем) на фоне затянувшегося ожидания перемен к лучшему с каждой «новой» властью, на которую, неизвестно, можно ли вообще воздействовать: «как чиновников контролировать умные люди знают, а я не государственный человек» (АОСПИ. Интервью с Т...).

Субъект-объектные отношения раскрываются и при рассмотрении обстоятельств, препятствующих организации запрашиваемого диалога.

Во-первых, налицо отсутствие ясности в понимании политики федеральной власти по отношению к отдалённому (во всех смыслах) региону, её практических, административных шагов. «Мы как заложники. И в неведении живу... Какие у государства планы на нас?» (АОСПИ. Интервью с К. (ж., сотрудник музея) Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля). В дальневосточной провинции это искреннее недоумение распространено повсеместно. В том числе и среди сотрудников органов местного самоуправления, которые также не владеют необходимой информацией о намерениях власти «наверху», не распознают её декларации. Исключённые из системы принятия решений, не располагая/не пользуясь рычагами влияния, они сосредоточены на текущих сиюминутных задачах: «в плане общей картины, я как бы таких перспектив не ставлю, не вижу... Планирование... маленькими отрезочками» (АОСПИ. Интервью с Д...). Но успех любого, даже самого совершенного модернизационного проекта, воплощённого в конкретных программах развития, зависит от того, является ли он консенсусным моментом для элит разного уровня, опирается ли на потребности и ожидания населения и располагают ли чиновники ресурсами, способностями для его осуществления. 2000-е годы, по мнению исследователей, показали пример непоследовательности реформаторских шагов и непредсказуемости их результатов именно вследствие опоры на незаинтересованную в переменах высшую бюрократию [3, с. 25].

Во-вторых, сама власть наделяется общественным мнением характеристиками, несовместимыми с представлениями о ней как о полноценном, адекватном партнёре в диалоге. Распространены суждения о её коррумпированности («прикидываются, что не понимают» (АОСПИ.

Интервью с У...)), некомпетентности, безынициативности («Если с животом не сладит, что он с районом сделает?» (**АОСПИ. Интервью с Т...**) и безответственности («научились красиво разговаривать, а делать – нет психологии» (**АОСПИ. Интервью с К...**)). Чиновники видятся, в целом, незаинтересованной стороной, которая ориентируется, прежде всего, на мнение вышестоящего начальства. Согласно результатам опроса, прошедшего на районном уровне в Хабаровском крае, абсолютное большинство предпринимателей считает государственную поддержку малоэффективной из-за слабой информированности чиновников о реальных потребностях бизнеса и непонимании местной специфики [16, с. 65]. Типичный пример приводит директор хлебозавода в г. Шахтерске, когда для получения субсидии на модернизацию производства по областной программе требуется расчёт экономического эффекта на период до 2018 года. «Как, – спрашивает он, – я могу вам гарантировать экономический эффект, если у нас идёт ежегодный не только в районе, в области, в России спад потребления хлебобулочных изделий?.. Мало того, что население уезжает – идёт его естественная убыль, район умирает» (**АОСПИ. Интервью с П. Сахалинская область, г. Шахтерск. 2013. 18 июля**)).

Бюрократические процедуры часто не предполагают обратной связи. Так, задача заранее вопросов приглашённым на селекторное совещание с министром РФ предпринимателям из глубинки, чтобы «ответы стройные получить», а «действительно насущное... спустили организаторы на тормозах» (**АОСПИ. Интервью с Z. Z**) – подход, дающий мало оснований для доверия к власти и надежд на сотрудничество в будущем. Представители органов местного самоуправления дают свою оценку: «Половина тех, которые на краевых, на областных уровнях работают... депутатов – они вообще не представляют, чем народ живёт... Федеральный уровень – это вообще отдельная тема. Они приезжают иногда. Начинают вопросы задавать. Я даже с ними... не пытаюсь спорить, что-то им доказывать. Просто потому что это... это просто бесполезно... Там вообще ничего не слышат» (**АОСПИ. Интервью Х.Х. 2014**)).

В этом суть и слабость вертикального договора, чьи условия не охватывают места для возникновения узнаваемого контрагента власти, обладающего свободой выбора и легальными инструментами его реализации в задаваемых условиях. Вне современного переговорного пространства остаются те, кто потенциально мог бы разделить бремя ответственности за будущее города, региона, страны, стал бы социальной опорой преобразованиям. Такое экономически активное население как «вахтовики», самозанятые практически не потребляет распределяемые государством блага и не участвует в политике [12, с. 12-13].

Вглядываясь в повседневную реальность, можно обнаружить, по каким направлениям движется энергия жителей в поисках решения насущных задач. В случае, когда издержки организации контакта с властью оказываются чрезвычайно велики (затратный по усилиям или вовсе недоступный процесс решения вопросов «через Москву»), рациональный выбор делается в пользу выхода (зачастую вынужденного) из поля официальной коммуникации, уступая место более «прозрачной», «естественно» отлаженной системе неформальных отношений и правил.

Государство в попытке «преодолеть», модернизировать территорию под цели управления сталкивается с существующим здесь физически пространством «на самом деле», в котором жизнь организована согласно «человеческим» представлениям [13, с. 21-22]. Оптимальная роль государства виделась нашим собеседникам-предпринимателям в том, чтобы на уровне федерального законодательства приблизиться к человеку, «к обыкновенным людям, которые вот тут на местах живут... А не там где-то только в центре» (**АОСПИ. Интервью с Ш. (ж., предприниматель)**)).

Приморский край, п. Кавалерово. 2013, 1 июля). Понять их и... отпустить: «больше давать свободы... чтобы было... больше возможностей, а не запретов» (АОСПИ. **Интервью с Л. Сахалинская область, г. Шахтерск. 2013. 16 июля**). Этот ментальный, эмоциональный разрыв между «далёкой» властью и «тутошними» людьми создаёт особую полосу отчуждения, где нет места долгосрочным контрактам (когда правила изменяются в одностороннем порядке, необъяснимо и непредсказуемо), а текущие взаимные обязательства могут быть поставлены под сомнение, как несправедливые.

Для части предпринимательского сообщества типично желание выйти из-под наблюдения государства и его «карающих органов» (налоговые службы, полиция и т.п.), сделаться для него «невидимым»: «Я не хочу думать о государстве, извините меня, когда им туда уходят деньги» (АОСПИ. **Интервью с Ш...**). Оно предстаёт как нечто «чужеродное», чьи действия не ясны и не соответствуют ожиданиям и запросам. Социальная идентификация в свою очередь ограничивается узким кругом близких людей: коллегами, семьёй.

В данном контексте специального внимания заслуживают органы местного самоуправления. С одной стороны, этот институт, замыкая властную вертикаль, принимает на себя все символические пороки власти вообще. И в условиях финансовой необеспеченности определённых законом полномочий, зависимости от власти вышестоящей (ставшей критической в связи с отменой в 2014 г. прямых выборов глав городских округов и муниципальных районов), позиция его оказывается заведомо уязвимой. Как отметил один из наших респондентов-чиновников, местная власть создана служить буфером, «чтобы все шишки шли не наверх, а вниз» (АОСПИ. **Интервью с В. (м., сотрудник районной администрации). Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля**). В этом случае для населения она может выступать нерадивым, малоэффективным проводником власти региональной и федеральной.

С другой стороны, муниципалитеты, будучи интегрированы в локальное сообщество, могут быть и ресурсом развития, и реальным, доступным контрагентом в достижении общего блага. Существует оформленный запрос на их «открытость», «отзывчивость», активность в аккумуляровании и реализации интересов жителей.

Степень «демократичности» регионального политического режима определяется, помимо прочего, характером внутренних конфликтов между уровнями и ветвями власти, основными политическими акторами. В нашем исследовании мы имели дело с несколькими конфигурациями.

В случае, когда территория являлась объектом пристального внимания региональной администрации (субъекта Федерации) или крупного экономического агента, обладая значимыми для них ресурсами (инфраструктурными, природными), на управление ею предлагался «свой» человек или «прикармливался» действующий глава. Такая ориентированность вовне приводила к деградации сферы публичной политики вследствие общего разрыва контакта (за ненадобностью) с местным сообществом. «Что входит в их [районной власти – прим. А.К.] обязанности?.. Они нам не мешают и мы не знаем, что они делают... Мы не нужны району» (АОСПИ. **Интервью с Т...**).

В ситуации же сращивания во власти аппарата чиновников и лобби активных предпринимателей, местного бизнеса решение некоторых общегородских, поселенческих вопросов могло блокироваться, как не отвечающее потребностям коалиции, депутатский корпус находился в зависимом положении. «Они бюджетников выбрали... если что не так пойдёт, не по-ихнему, чтоб можно было давануть» (АОСПИ. **Интервью**

с С. (м., НКО). Сахалинская область, г. Шахтерск. 2013. 17 июля). «Из 21 депутата 18 членов «Единой России»... что решить можно? Ничего мы не решим там» (АОСПИ. **Интервью с У. У. 2013**). Правила игры не предполагали вовлечения жителей в процессы согласования и принятия решений. Усиление неформальных начал в системе организации жизни на территории и взаимоотношениях основных акторов также приводило к «схлопыванию» представительных институтов, как неподходящего инструмента, относящегося к сфере «высокой», «реальной» политики.

Вариант организации местного самоуправления, при котором широкое участие граждан приветствовалось и демонстрировало свою успешность, также был зафиксирован в ходе исследования. Он был связан с поиском оптимальной модели функционирования территории в ситуации острого противостояния трёх уровней власти: регионального, районного и поселенческого. Создание структуры-посредника, объединившей представителей различных политических партий, общественных организаций, инициативных людей отвечало взаимным устремлениям как районной исполнительной власти, так и жителей, чьё протестное голодание помогло главе администрации занять свой пост.

В данном случае мы увидели воплощение в гражданской практике упомянутой ранее мифологемы о вине центра перед периферией. «Стационарный бандит» (в лице региональной власти и в интересах крупного бизнеса), в попытке агрессивно навязать свою кандидатуру, превысил свои права, отведя жителям, по их словам, «унизительную» роль безмолвного «электората». И напротив, идеи самостоятельного распоряжения имеющимися благами (землёй, недрами), обеспечения надзора за получаемой прибылью с территории (возвращение в бюджет долгов по налогам ведущими здесь хозяйственную деятельность предприятиями) нашли отклик у населения. Дальнейшая поддержка избранного главы обеспечивалась налаженным тесным контактом и вниманием его команды к запросам («к нему хоть можно прийти и поговорить по-человечески» (АОСПИ. **Интервью с У...**). Накопленный потенциал доверия – ежегодный официальный замер показал рост удовлетворённости населения района деятельностью новой муниципальной власти в 2,5 раза – служит хорошей базой для перехода от тактического планирования к долгосрочным проектам развития района при соблюдении договорённостей сторон в достижении общезначимых целей.

На степень плюралистичности местной политической культуры в значительной степени влияет и фактор личных установок и представлений политических лидеров. Именно они задают параметры и истребуют определённые модели диалога или, напротив, практически полностью самоустраняются из этого процесса. Претензии к населению имеет и сама власть, чьи представители отмечают пассивность людей в использовании законодательных возможностей для участия в управлении территорией. Как сетовал сотрудник аппарата местной Думы, жители обращаются к ним только с жалобами, а не предложениями. После вступления в силу 131 ФЗ, на публичных слушаниях «первые два месяца, наверное, народ ещё был... Потом... никто не приходит... за исключением 1-2 человек и работников администрации. Никому это не надо» (АОСПИ. **Интервью с В...**). Низкой остаётся и явка на муниципальных выборах, вкупе с тем, что дальше «...многие по старинке думают, что вот мы избрали мэра – вот он пусть и решает все дела» (АОСПИ. **Интервью с Д. Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля**). Причины такой политической самоизоляции – комплексные, связанные, в том числе, с невысокой оценкой себя как субъекта изменений и контрагента власти. Подчинённость внешним обстоятельствам у большей части на-

ших собеседников проявлялась и в самой риторике ответов: «нам дали возможность».

Что касается сегодняшней инфраструктуры гражданского участия в регионе, то она испытывает сравнимые с общероссийскими трудности. Характеристики и ресурсы акторов существенно разнятся, что определяет, во многом степень их востребованности в обществе в качестве агентов влияния, посредников в переговорах с властью.

В целом, разного рода встроены во власть узкоспециализированные НКО, а также прогосударственные политические партии оказываются наименее значимыми для большинства населения, хотя и обладающими подчас несомненным, с практической точки зрения, ресурсом: «Вы же знаете, лучшее время – перед выборами» (АОСПИ. **Интервью с Д. (м., районный депутат). Приморский край, г. Арсеньев. 2013. 1 июля**). Мобилизация сверху, в частности, инициатива власти по созданию Общероссийского Народного Фронта оценивалась нашими собеседниками как запоздалая попытка государства создать себе некую широкую социальную опору (на фоне исчерпавшей себя «Единой России»): «...ему нужна поддержка. Случись что, никто не пойдёт за ним» (АОСПИ. **Интервью с А. (м., профсоюзная организация), Сахалинская область, г. Южно-Сахалинск. 2013. 26 июля**).

В качестве полноценных акторов мы бы выделили зародившиеся «снизу» инициативные группы («движения одного требования»), а также общественные организации (профессиональные, правозащитные), откликающиеся на острые насущные потребности местного социума [4, с. 37-43]. И если первые возникают ситуационно в борьбе за внимания власти к своей локальной проблеме и вскоре распадаются [5, с. 100], то вторые занимаются планомерной, подчас рутинной, работой. Главы этих немногочисленных структур – люди, накопившие успешный опыт в избранной сфере с советских времён, – имеют чёткое представление о должном и справедливом. Они сохраняют своё исходное, относительно независимое положение от органов власти, выходя на контакт с ними на паритетных началах. Область приложения их усилий – как повседневные проблемы жизнедеятельности и обустройства города, района, так и консультативная, юридическая помощь в восстановлении нарушенных прав (бюджетников, членов ТСЖ, автомобилистов и т.п.): «Я никогда не отказываюсь... Член профсоюза, не член профсоюза, мне разницы нет, если есть человек» (АОСПИ. **Интервью с Х...**). Материальные ресурсы их подчас крайне ограничены, но социальный капитал значителен. Формы работы – избирательны и диктуются мотивом наибольшей выгоды (целесообразности) в поле легальной политики и неформальных отношений: для каждого уровня ответственности выбирается конкретный контрагент и свои способы воздействия, контролируется результат. Так, обращения в прокуратуру в случае нарушения законодательства, работа в составе общественной палаты или совета при муниципалитетах, продвижение законодательных инициатив или разговор «за закрытыми дверями» будут скорее превалировать над митинговой активностью (но не подменять её при необходимости).

Несмотря на положительные результаты, устойчивой социальной базой эти движения и организации не располагают, в том числе из-за низкой мотивации участия жителей в их дальнейшей деятельности («феномен безбилетника»). Мнение наших собеседников, с сочувствием относившихся к подобным проявлениям гражданской сознательности у других («Нужны люди, которые на митингах выступают, пусть власть покусывается, это нужно» (АОСПИ. **Интервью с Л. (м., предприниматель). Приморский край, п.г.т. Кировский. 2013. 6 июля**), тем не менее, не трансформировалось в готовность присоединиться к совмест-

ным коллективным акциям без веских на то оснований с осознанием общезначимого интереса как собственного.

Фактическая атомизированность и разрозненность социального поля в дальневосточной провинции вместе со сжатием жизненного пространства не позволяет в итоге выделить «общество» (понятие, которым подавляющая часть наших респондентов не мыслила и не оперировала) в качестве сильного контрагента власти. Фрагментация населения по принципу «принадлежности» (своей группе) на фоне недоверия к «другому», по мнению исследователей, ведёт к непубличному характеру коммуникационной активности [5, с. 525]. Затруднены как сверка и совершенствование индивидуальных позиций по социальным проблемам, так и согласованное вступление в институционализированные отношения с властью по их поводу. Недоверие к государству как к полноценной стороне в диалоге, ясно обозначившееся в 1990-е гг., цементируется сегодня в общественном сознании и «двоемыслием» [15, с. 76-80], задающим параметры и способы предпочтительного поведения в рамках нормативных и неформальных систем сообразно изменяющейся ситуации, актуальным потребностям и наличным ресурсам.

Литература

1. Аузан А. Общественный договор и гражданское общество (стенограмма лекции) // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL <http://www.polit.ru/article/2005/01/11/auzan> (дата обращения: 25.08.2014).
2. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Издательство «Европа», 2014.
3. Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // Полития. 2014. № 4. С.6–30.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Приморском крае за 2014 год. Владивосток. 2015 // Общественная палата Приморского края [Электронный ресурс]. URL <http://общественнаяпалатаприморья.рф/doklad.docx> (дата обращения: 16.06.2015).
5. Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Полития 2011. № 1. С.98–116.
6. Информационный материал по теме исследования «Социальное самочувствие населения». Хабаровск: Дальневосточный кадровый центр. Октябрь 1992.
7. Каширских О.Н. Политические предпочтения россиян в условиях «дилеммы транзита» // Пути России. Новые языки социального описания. Т. XIX. М.: НЛО, 2014.
8. Кинсбургский А.В. Потенциал массового протеста и социальная база поддержки (к вопросу о перспективах российских реформ) // Россия реформирующаяся: Ежегодник. 2005. М.: Институт социологии РАН, 2006.
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Ст.6 // HIST.MSU.RU: сайт Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 4.05.2014).

10. Коняхина А.П. Гражданская активность на юге Дальнего Востока России (1980–1990-е гг.) // Россия и АТР. Владивосток. 2013. № 4. С. 113–127.
11. Коняхина А.П. Диалог с властью. Изучение и формирование общественного мнения населения Хабаровского края во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков : сб. материалов. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 70–88.
12. Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России. 2011. Том XX. № 1.
13. Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. М.: Европа, 2010.
14. Корель Л.В., Шабанова М.А. Сахалин-92: жизнь на пороге рынка // ЭКО. 1993 № 1.
15. Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 526 с.
16. Малое и среднее предпринимательство в регионе: социологическое измерение. Хабаровск: ДВАГС, 2011.
17. Общественное мнение 2012. М.: Левада-центр, 2012.
18. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
19. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // Политические исследования. 2006. № 1.
20. Тамбовцев В., Верведа А. Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 86–96.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Auzan A. Obshhestvennyj dogovor i grazhdanskoe obshhestvo (stenogramma lektsii) // Polit.ru [Электронный ресурс]. URL <http://www.polit.ru/article/2005/01/11/auzan> (data obrashheniya: 25.08.2014).
2. Blyakher L. Iskusstvo neupravlyaemoy zhizni. Dal'nij Vostok. М.: Izdatel'stvo «Evropa», 2014.
3. Gel'man V.YA., Starodubtsev A.V. Vozmozhnosti i ogranicheniya avtoritarnoj modernizatsii: rossijskie reformy 2000-kh godov // Politiya. 2014. № 4. S.6–30.
4. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshhestva v Primorskom krae za 2014 god. Vladivostok. 2015 // Obshhestvennaya palata Primorskogo kraja [Электронный ресурс]. URL <http://obshhestvennayapalataprimor'ya.rf/doklad.docx> (data obrashheniya: 16.06.2015).
5. Zadorin I.V., Zajtsev D.G., Klimov I.A. Grazhdanskoe uchastie v Rossii: kartografiya problem i reshenij // Politiya 2011. № 1. S.98–116.
6. Informatsionnyj material po teme issledovaniya «Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya». Khabarovsk: Dal'nevostochnyj kadrovyy tsentr. Oktyabr' 1992.
7. Kashirskikh O.N. Politicheskie preferentsii rossiyan v usloviyakh «dilemmy tranzita» // Puti Rossii. Novye yazyki sotsial'nogo opisaniya. T. XIX. М.: NLO, 2014.
8. Kinsburskij A.V. Potentsial massovogo protesta i sotsial'naya baza podderzhki (k voprosu o perspektivakh rossijskikh reform) // Rossiya reformiruyushhayasya: Ezhegodnik. 2005. М.: Institut sotsiologii RAN, 2006.
9. Konstitutsiya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Prinyata na vnocherednoj sed'moj sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g. St.6 // HIST.MSU.RU: sayt Istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnst1977.htm> (data obrashheniya: 4.05.2014).
10. Konyakhina A.P. Grazhdanskaya aktivnost' na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (1980–1990-е гг.) // Rossiya i ATR. Vladivostok. 2013. № 4. S. 113–127.

11. Konyakhina A.P. Dialogs vlast'yu. Izuchenie i formirovanie obshhestvennogo mneniya naseleniya Khabarovskogo kraja vo vtoroj polovine 1980-kh – nachale 1990-kh gg. // Devyataya Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov : sb. materialov. Vladivostok: DVO RAN, 2006. S. 70–88.
12. Kordonskij S.G., Plyusnin YU.M., Krashennnikova YU.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Akhunov D.EH., Bojkov D.V. Rossijskaya provintsija i ee obitateli (opyt nablyudeniya i popytka opisaniya) // Mir Rossii. 2011. Tom XX. № 1.
13. Kordonskij S.G. Rossiya. Pomestnaya Federatsiya. M.: Evropa, 2010.
14. Korel' L.V., SHabanova M.A. Sakhalin-92: zhizn' na poroge rynka // EHKO. 1993 № 1.
15. Levada YU.A. Sochineniya: problema cheloveka. M.: Izdatel' Karpov E.V., 2011. 526 s.
16. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v regione: sotsiologicheskoe izmerenie. Khabarovsk: DVAGS, 2011.
17. Obshhestvennoe mnenie 2012. M.: Levada-tsentr, 2012.
18. Patnehm R. CHtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskije traditsii v sovremennoj Italii. M., 1996.
19. Pivovarov YU.S. Russkaya vlast' i publichnaya politika // Politicheskie issledovaniya. 2006. № 1.
20. Tambovtsev V., Verveda A. Sub"ekty modernizatsii: vozdejstvie grupp interesov na strategii razvitiya // Voprosy ehkonomiki. 2008. № 1. S. 86–96.